

Д. ЛУКАЧ

Ленин и классовая борьба

<Фрагменты>

**ПОСВЯЩЕНИЕ В РЕВОЛЮЦИОННЫЙ МАРКСИЗМ.
1914–1918**

<...>

Большевизм как моральная проблема

Мы считали бы неуместным заниматься здесь как вопросом о практической осуществимости социализма, так и вопросом о полезных или вредных последствиях его возможного водворения. Помимо того, что я не чувствую себя вправе отвечать на подобные вопросы, мне кажется разумным однажды отвлечься от практических соображений: решение тут, как это всегда бывает с важными вопросами, имеет моральный характер; его имманентное прояснение является важной и актуальной задачей. За такой подход говорит, во-первых, то, что самый ходовой аргумент в дискуссиях о большевизме, — а именно, тематизация сюжета о достаточной либо недостаточной зрелости экономической и общественной ситуации для его немедленного водворения, — этот аргумент с самого начала приводит к неразрешимой проблеме. О моему мнению, не существует ситуаций, относительно которых можно было бы ответить на этот вопрос с *полной уверенностью и заведомо наперед: ибо стремление к немедленному, любой ценой достижению вождеденной цели по меньшей мере столь же важно для степени зрелости ситуации, как и объективные условия.* Во-вторых, в пользу такого подхода свидетельствует уразумение следующего: даже если приход большевизма к власти повлечет за собой

уничтожение ценностей культуры и цивилизации, то такая возможность никогда не станет контраргументом в глазах тех, кто когда-то сделал свой выбор, исходя из моральных или философско-исторических оснований. Они с сожалением примут к сведению данное обстоятельство, но — с полным правом — ничего не поменяют в своем целеполагании. Они знают, что столь значительная всемирно-историческая переоценка ценностей не может произойти без уничтожения ценностей; и они ощущают в себе достаточные силы для сотворения новых ценностей для грядущих, новых поколений.

После того, что было сказано выше, иным, наверное, может показаться, будто для подлинного социалиста в указанном вопросе не заложено никакой моральной проблемы, будто его решение в пользу большевизма свободно от всяких сомнений. Коль скоро недостаточная зрелость ситуации и уничтожение культурных ценностей не суть решающие контраргументы, надо подойти к делу по-другому. Предположим, что мы осуществляем нашу теорию *тотчас же и бескомпромиссно*: может ли тогда считаться настоящим социалистом тот, кто в данном случае все еще колеблется и сомневается? Когда не-большевик (ein Nicht-Bolschewist) в этой взаимосвязи апеллирует к демократии, то приверженцы Ленина (следуя его собственному предложению) отвечают на это тем, что просто-напросто исключают слово «демократия» из своих программ и из наименования своей партии и затем открыто выступают в качестве коммунистов. Вся суть моральной проблематики зависит от того, [считаем ли мы, что] демократия относится лишь к тактике социализма (причем на тот период, когда социалисты все еще находятся в меньшинстве и ведут борьбу с террором господствующих классов); или же [мы полагаем, что] демократия в такой мере является конститутивной частью социализма, что от нее нельзя отказываться до тех пор, пока не прояснены все моральные и мировоззренческие последствия такого отказа. В этом последнем случае разрыв с принципом демократии для каждого ответственного и сознательного социалиста является тяжелой моральной проблемой.

К сожалению, довольно редко проводилось осмысленное разграничение между философией истории Маркса и его социологией, в силу чего многие так и не заметили, что два этих кардинальных элемента — классовая борьба и социалистический общественный строй — проистекают не из одной и той же системы понятий, как бы тесно они ни были связаны между собой. Первый элемент представляет собой *основополагающий тезис* Марксовой социологии: всегда уже имел место некий общественный строй и, стало быть, также существовала его движущая сила; таков важный принцип в реальной взаимосвязи истины истории. Второй элемент репрезентирует утопический постулат философии истории Маркса: *моральную тенденцию* к грядущему миропорядку. (Впрочем, гегельянство Маркса во многом способствовало тому, что данные различия так и не были отчетливо проведены.) Классовая борьба пролетариата, призванная воздвигнуть этот новый миропорядок, сама в себе его, этот новый миропорядок, еще не содержит. Из того, что вместе с освобождением пролетариата устраняется капиталистическое классовое угнетение, еще не следует упразднение всякого классового угнетения: ведь ничего подобного не случилось после победы буржуазных классов в их освободительной борьбе. Под углом зрения чисто социологической необходимости происходит лишь изменение в классовой структуре: прежние угнетенные теперь становятся угнетателями. Для воспрепятствования этому и обретения истинной свободы — без угнетателей и угнетенных — хотя и является *безусловно необходимой* победа пролетариата (тем самым освобождается последний угнетенный класс), но эта победа — лишь одна из предпосылок. Для осуществления истинной свободы, однако, нужна воля к демократическому миропорядку, которая выходит за рамки социологических констатаций и закономерностей и не выводится из них.

Такая воля является настолько важным моментом в социалистическом мировоззрении, что данный момент невозможно удалить из него, не подвергая опасности все строение. Ведь эта воля превращает пролетариат в социалистического

Спасителя человечества, и без такого искупительного пафоса невозможно было бы представить беспримерный победный марш социал-демократии. И если Энгельс справедливо видел в пролетариате наследника немецкой классической философии, то потому, что в пролетариате обрел действительность тот этический идеализм, ликвидирующий все земные зависимости, посредством которого Кант и Фихте хотели — метафизически — изменить до основания старый мир. Здесь [в пролетариате] стало деянием то, что там [в немецкой классической философии] было всего лишь мыслью; здесь была найдена прямая дорога к цели, к которой там пробирались через уклоны и на путях реакции — у Шеллинга на эстетическом, у Гегеля на государственно-правовом. Хотя Маркс конструировал по аналогии с гегелевской моделью «хитрости мирового разума» данный философско-исторический процесс (а именно, что пролетариат, борясь за свои собственные классовые интересы, вместе с тем приносит освобождение всему миру), но в мгновение решения — и сейчас оно наступило — неизбежно должно обнаружиться различие между бездушной эмпирической истиной и этой человеческой, утопической, этической волей. И тут надо решить, является ли эта миропспасительная роль социализма по-настоящему истинной и волимой (*gewollt ist*), или же она составляет лишь идеологическую оболочку классовых интересов, которые пусть и отличаются по содержанию, но не отличаются по своему качеству и моральному притязанию от других классовых интересов. (В XVIII веке от буржуазных идей свободы также была неотделима проповедь Спасения мира; и только *в эпоху* Великой французской революции было замечено, что это — всего лишь идеология, основанная на классовых интересах.)

Если бы общественный строй без классового угнетения, чистая социал-демократия были лишь идеологией, то здесь не возникало бы никакой моральной дилеммы. Но таковая возникает в силу того, что истинная, окончательная, все предрешающая и все увенчивающая цель борьбы для социал-демократии заключается в том, чтобы посредством классовой борьбы пролетариата сделать невозможной всякую

последующую классовую борьбу и создать общественный строй, при котором невозможно было бы даже помыслить о ней. Осуществление этой цели сейчас находится в заманчивой близости от нас, и именно отсюда проистекает моральная дилемма. Или мы ухватываемся за данную возможность: тогда мы должны принять сторону террора и классового угнетения; ибо ныне на повестке дня стоит *классовое господство пролетариата* (впрочем, это последнее, самое беззастенчивое, самое неприкрытое классовое господство уничтожит себя самое и тем самым всякое классовое господство). Или же мы захотим построить новый мир новыми методами, методами истинной демократии (доселе истинная демократия еще никогда не существовала в качестве действительности, но лишь в виде императива). Но тогда может случиться, что большинство людей еще не желает этого нового мира; и нам нужно, коль скоро мы не хотим против их воли господствовать над ними, ждать до тех пор, пока человечество само собой не сделает то, к чему мы уже неизменно стремились и что осознавали как единственно возможное решение.

Моральная дилемма возникает из-за того, что в обоих решениях кроются страшные грехи и возможность безмерных заблуждений, на которые надо идти полностью сознательно и которые следует принять на себя. Опасность, связанная со второй позицией, ясна: мы должны — по ходу дела — сотрудничать с классами и партиями, которые только в некоторых пунктах согласны с социал-демократией, но не разделяют ее конечной цели. Задача состоит в том, чтобы найти форму сотрудничества, которая бы не оскверняла чистоты цели и пафоса воли. Однако такое отклонение *от кратчайшего и прямого пути* опасно, так как оно едва ли возможно без тенденции к превращению в нечто самостоятельное, без сознательного замедления темпов; а эти моменты оказывают обратное воздействие на пафос воли. Проблема, выдвигаемая императивом демократии, заключается в необходимости подобного внешнего компромисса, который никоим образом не должен стать внутренним.

Из освобождения от этого компромисса проистекает завораживающая сила большевизма. Однако зачарованные им люди зачастую не знают, какова будет для них цена такого освобождения. Они вплотную сталкиваются с проблемой: можно ли завоевать хорошее дурными средствами, достичь свободы благодаря угнетению? Может ли возникнуть новый миропорядок, раз средства [его осуществления] лишь в техническом плане отличаются от средств старого миропорядка, по праву ненавидимых и презираемых? Кажется, что тут уместно сослаться на тезис Маркса, что совокупный процесс истории всегда складывался из классовых битв, из борьбы между угнетателями и угнетенными — и что таким он останется и в будущем, что классовая борьба пролетариата не есть исключение из правил. Будь это верно, все идеальное содержание социализма, если отвлечься от удовлетворения материальных интересов, сводилось бы к одной лишь идеологии. Но это невозможно. По этой причине нельзя рассматривать исторический тезис в качестве основания моральной воли к новому миропорядку. Нужно называть плохое — *плохим*, угнетение — *угнетением*, классовое господство — *классовым господством*. Надо верить — и это поистине «*credo quia absurdum est*»¹, что за угнетением не воспоследует вновь борьба угнетенных за власть (ряд бессмысленных битв, и так далее), а произойдет самоуничтожение угнетения.

Стало быть, выбор между двумя указанными позициями, как всякий моральный вопрос, является вопросом веры*. Зоркие, но в данном случае, наверное, поверхностные наблюдатели считают недостаточно крепкую веру в социализм причиной того, что старые испытанные социалисты не пожелали принять большевизм. Так вот, я считаю это неправильным. Я не придерживаюсь того взгляда, что для «скорого подвига»

* Во избежание недоразумений я должен подчеркнуть, что здесь сравниваются только типические моральные позиции. То соображение, что с обеих сторон могут быть легкомысленные и безответственные люди, а также вопрос, где и какой тип является господствующим, не являются предметом данных размышлений.

большевизма требуется больше веры, чем для длительной, поучительной, очень ответственной и душевно изнурительной борьбы, которую придется вести тем, кто становится ва сторону демократии. В первом случае сохраняют — любой ценой — видимую чистоту своего непосредственного убеждения; во втором сознательно приносят в жертву, — жертвуя также и собой, — притязание на осуществление *социальной демократии в целом*, а не фрагментарно. Повторяю: большевизм базируется на метафизическом допущении, будто из плохого может родиться хорошее, будто, как сказал Разумихин в «Преступлении и наказании»², возможно провраться до правды. Автор данных строк не разделяет этой веры, и потому он усматривает в корнях большевистской позиции неразрешимую моральную проблему. Напротив, демократия требует лишь чрезвычайного самоотречения и самоотвержения от тех, кто к ней стремится честно и сознательно. Но даже если это потребует сверхчеловеческих сил, тут нет неразрешимой задачи — в противоположность моральной проблеме большевизма.

Декабрь 1918 года

ЭССЕ 1919–1920 ГОДОВ

Тактика и этика

Молодому поколению Коммунистической партии

В политической деятельности место и значение тактики у всех партий и классов — сообразно структуре и фило-софско-исторической роли партий и классов — разнятся до чрезвычайности: если мы определим тактику как средство осуществления поставленных действующими группами целей, как связующее звено между конечной целью и действительностью, то отсюда проистекают основополагающие

различия в зависимости от того, категоризируется ли конечная цель как момент, находящийся внутри или по ту сторону данной общественной действительности. Эта имманентность либо трансцендентность конечной цели кроет в себе прежде всего то различие, что в первом случае наличный правовой порядок дан как принцип, необходимо и нормативно определяющий тактические рамки деятельности; напротив, в случае общественно-трансцендентного целеполагания правовой порядок выступает лишь как чистая действительность, как реальное насилие, учет которых может иметь самое большее прагматический смысл. Мы подчеркиваем этот самый большее прагматический смысл, поскольку подобное целеполагание, каковое, например, было присуще французской легитимистской реставрации, а именно, в виде стремления каким бы то ни было способом признать правовой порядок революции, — это целеполагание было равносильно компромиссу. Но этот пример показывает также, что на том же уровне находятся различные трансцендентные целеполагания в рамках совершенно абстрактной и лишенной всякой оценки социологии. А именно, если определенный в качестве конечной цели общественный порядок уже существовал в прошлом, если речь идет только о реставрации уже пройденного развития, то невежество в отношении существующего правового порядка является лишь мнимым выхождением из рамок данных правовых порядков; то один реальный правовой порядок противостоит другому реальному правовому порядку, непрерывность развития не подвергается жесткому отрицанию, а самая крайняя цель заключается в том, чтобы сделать недействительной промежуточную станцию. Всякое по сути своей революционное целеполагание отрицает моральное право на существование и философско-историческую актуальность существующих и прошлых правовых порядков; для него, следовательно, является исключительно тактическим вопросом, стоит ли вообще, и если стоит, то в какой мере, считаться с ними.

Но вследствие того, что тактика таким образом освобождается от нормальных ограничений правового порядка,

следует найти некий новый масштаб для целесообразности, которая направляет тактическую позицию. Поскольку понятие прагматической пригодности является двусмысленным, постольку, соответственно, нужно различать, понимается ли под целью некая актуальная конкретная цель или же все еще удаленная от почвы реальности конечная цель.

Для таких классов, чья конечная цель, собственно, уже осуществлена, тактика необходимо направляется сообразно достижимости актуальных и конкретных целей; и тот зазор, который разделяет актуальную цель и цель конечную, те конфликты, которые проистекают из этого дуализма, — для тактики они не существуют. Здесь тактика выступает в форме легальной реальной политики, и не случайно то, что в подобных (исключительных) случаях, в которых проявляется конфликт этого рода, например, в связи с войной, указанные классы следуют самой пошлой, самой катастрофичной «реальной политике»; они не способны делать ничего иного, ибо их наличная конечная цель допускает только такую реальную политику.

Эта противоположность очень удобна для того, чтобы осветить тактику революционных классов и партий; для них тактика не направляется сиюминутными, актуально достижимыми преимуществами; они должны даже отвергнуть некоторые из этих преимуществ, поскольку они могут подвергнуть опасности поистине важное, конечную цель. Но поскольку конечная цель категоризирована не как утопия, а как действительность, которую необходимо достичь, постольку полагание конечной цели с возвышением над актуальным преимуществом не может означать отвлечения от действительности, попытки навязать действительности некие идеалы, но означает познание и претворение в деяние тех сил, которые действуют *внутри* общественной действительности — то есть сил, направленных на осуществление конечной цели. Без такого познания тактика любого революционного класса или партии дезориентирован но колеблется между безыдеальной реальной политикой и идеологией без реального содержания. Это познание не было присуще

революционной борьбе буржуазного класса; правда, и здесь имела место идеология конечной цели, но она не могла органично включиться в упорядочение конкретной деятельности; скорее в большей мере она развертывалась в духе актуальности, создавала институции, которые скоро становились самоцелью, тем самым затуманивая саму конечную цель, принижая ее до чистой, ставшей уже недейственной идеологии. Единственное в своем роде социологическое значение социализма состоит в том, что он имеет решение этой проблемы. Ибо конечная цель социализма является утопической в том же самом смысле, в котором он выходит за экономические, правовые и социальные рамки сегодняшнего общества и может быть осуществлен только посредством уничтожения этого общества; но он не является утопическим в той мере, в какой путь к этой конечной цели должен был бы означать абсорбирование парящих вне или над обществом идей. Марксистская теория классовой борьбы, которая в этом отношении целиком следует гегелевскому понятийному творению, заменяет трансцендентное целеполагание имманентным; классовая борьба есть само целеполагание и одновременно его осуществление. Этот процесс не является средством, чей смысл и ценность следовало бы измерять масштабом выходящей за его пределы цели; но это есть новое прояснение утопического общества, шаг за шагом, скачок за скачком, сообразно логике истории. Это означает вступление в актуальную общественную действительность. Данное «средство» не является чуждым цели (как это имело место при осуществлении буржуазной идеологии), оно представляет собой приближение цели к самоосуществлению. Это означает, что между тактическими средствами и конечной целью наличествуют понятийно не определимые переходы; никогда нельзя знать наперед, какой тактический шаг уже осуществит саму конечную цель.

Тем самым мы нащупали решающий масштаб социалистической тактики: философию истории. *Факт* классовой борьбы есть не что иное, как социологическое описание и возвышение происходящего до закономерности, которая

совершается в общественной действительности; *смысл* классовой борьбы пролетариата, однако, выходит за пределы этого факта. Правда, смысл по сути неотделим от факта, но он направлен на то, что возникает отличающийся от любого из предшествующих обществ социальный порядок, который больше не знает никаких угнетателей и никаких угнетенных; чтобы закончилась унижающая человеческое достоинство эпоха экономической зависимости, должна быть, как заявлял Маркс, сломлена слепая власть экономических сил, а на ее место должна стать более высокая, адекватная и соответствующая достоинству человека власть*. Обдумывание и правильное познание экономически и социально актуальных ситуаций, настоящих соотношений сил, стало быть, всегда являются лишь *предпосылкой*, а не *критерием* верной в социалистическом смысле деятельности, верной тактики. Истинный масштаб может состоять лишь в том, годится ли *modus* деятельности в данном случае для осуществления этой цели, смысла социалистического движения; а именно, — поскольку этой конечной цели служат не качественно отличные средства, напротив, средства сами по себе должны быть равносильны приближению к конечной цели, — должны быть хорошими все те средства, в которых философско-исторический процесс пробуждается к сознанию и к действительности, вразрез с этим должны быть плохими все те средства, которые затуманивают это сознание, как, например, сознание правового порядка и непрерывности «исторического» развития или даже *сиюминутные* материальные интересы пролетариата. И если существует историческое движение, для которого реальная политика имеет роковое и губительное значение, то таковым является социализм.

Конкретно это означает, что любая солидарность с существующим общественным порядком кроет в себе возможности подобной опасности. И хотя мы напрасно подчеркиваем с истинной внутренней убежденностью, что указанная солидарность есть только *сиюминутная*, актуальная общ-

* Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 425.

ность интересов, что это не более чем временный союз для достижения конкретной цели, тем не менее неизбежной является опасность, что чувство солидарности угнездится в том самом сознании, необходимость которого все-таки затемняет всемирно-историческое сознание, пробуждение к самосознанию человечества. Классовая борьба пролетариата не есть голая классовая борьба (если бы дело обстояло таким образом, то она фактически направлялась бы только реально-политическими преимуществами), но есть средство освобождения человечества, средство для того, чтобы поистине начать *человеческую* историю.

Всякий компромисс затушевывает как раз эту сторону борьбы, и поэтому он, — несмотря на все свои эвентуальные, сиюминутные, но в высшей степени проблематические преимущества, — является губительным с точки зрения этой подлинной конечной цели. Ибо покуда существует современный общественный порядок, господствующие классы в состоянии открыто или втихомолку компенсировать достигнутое таким образом экономическое или политическое преимущество, а после подобной «компенсации» приходится лишь вести борьбу в худших условиях, поскольку компромисс, разумеется, ослабляет боевой настрой. Поэтому значение тактических уклонов внутри социализма является более глубоким и действенным, чем в других исторических движениях; всемирно-исторический смысл является тут тактическим масштабом, и ответственность перед историей за *все* свои деяния взял на себя тот, кто — по прагматическим соображениям — *не* уклоняется от узкого и крутого, но только и ведущего к цели пути правильной деятельности, который предписывает философия истории.

Кажется, что тем самым дан ответ также на этическую проблему, что следование правильной тактике уже само по себе является этическим. Но мы тут подошли к пункту, где в марксизме проявляются опасные стороны гегелевского наследия. Гегелевская система не имеет этики, у него этика замещена той системой материальных, культурных и социальных благ, в которых кульминирует его философия истории. Мар-

ксизм, в сущности, заимствовал форму этики (см., например, книгу Каутского³)**, он лишь поставил другие «ценности» на место гегелевских, не поднимая вопроса о том, является ли желание общественно правильных «ценностей» — независимо от внутренних мотивов деятельности — уже само по себе этическим, хотя очевидно и то, что этическая постановка вопроса может исходить только из этих общественно правильных целей. Кто отрицает проистекающее отсюда разветвление этической постановки вопроса, отрицает также его этическую возможность и вступает в противоречие с самыми примитивными и общими душевными фактами: с совестью и сознанием ответственности. Все они в первую очередь выясняют не то, *что* сделал или хотел сделать человек (это упорядочивается нормами общественной и политической деятельности), но является ли то, что он сделал или хотел сделать и *почему* он это сделал и хотел сделать, объективно правильным или ложным. Но этот вопрос «почему?» может возникнуть только в сознании индивида, он имеет смысл только в отношении индивида, в резком противоречии с тактическим вопросом об объективной правильности, который может найти решение только в коллективной деятельности групп людей. Стоящий перед нами вопрос, таким образом, гласит: как соотносятся совесть и сознание ответственности индивида с проблемой тактически правильной коллективной деятельности?

Нужно констатировать здесь прежде всего их взаимозависимость, как раз потому, что оба приведенные в связь между собой типа деятельности по существу не зависят друг от друга. С одной стороны, вопрос о том, является ли какое-то данное тактическое решение правильным или ложным, не зависит от вопроса, определяется ли решение действующих в его смысле лиц моральными мотивами; с другой стороны, проистекающее из чистейшего этического источника деяние может быть совершенно ошибочным с тактических точек зре-

* * См.: *Karl Kautsky. Ethik und materialistische Geschichtsauffassung. Stuttgart: 1906.*

ния. Но эта их независимость друг от друга является лишь мнимой. Ибо если, как мы увидим дальше, индивид в своей деятельности ступает на попрание политики, то ее (философско-историческая) правильность или неправильность отнюдь не может быть этически безразличной. И на основе философско-исторической ориентации социалистической тактики в каждой из индивидуальных волей после их суммирования должна результироваться коллективная деятельность и находить выражение упорядочивающее философско-историческое сознание — причем, без того, чтобы был невозможным отказ от актуального преимущества в интересах конечной цели. Проблему можно теперь сформулировать следующим образом: какие этические размышления толкают индивида к такому решению, чтобы необходимое философско-историческое сознание могло пробудиться в нем и повести к правильной политической акции, то есть стать составной частью коллективной воли, решая судьбу этой акции?

Мы подчеркиваем еще раз: этика обращается к отдельному человеку, и в качестве необходимого следствия из этой установки она выставляет пере индивидуальной совестью и сознанием ответственности следующий постулат: он должен действовать так, как если бы от его деятельности или бездеятельности зависел тот поворот в судьбе мира, совершению которого должна способствовать или препятствовать актуальная тактика. (Ибо в этике не существует ни нейтральности, ни беспартийности; тот, кто *не желает* действовать, должен отвечать за свою бездеятельность перед собственной совестью.) Каждый, кто сегодня принимает решение в пользу коммунизма, стало быть, обязан нести за каждую погубленную в борьбе за него жизнь ту же самую *индивидуальную* ответственность, как если бы он сам убил всех. Но все, кто встает на другую сторону и защищает капитализм, должны нести равную индивидуальную ответственность за уничтожение в неизбежных последующих новых империалистических реваншистских войнах, за будущее угнетение наций и классов. С этической точки зрения никто не может уйти от ответственности под предлогом, что он — лишь одиночка,

от которого не зависит судьба мира. Этого никогда нельзя знать наперед не только объективно с полной очевидностью, так всегда возможным является то, что она зависит как раз от одного человека; но подобное мышление делают невозможными также внутренняя суть этики, совесть и сознание ответственности; кто принимает решение, не исходя из этого соображения, тот, каким бы развитым существом он ни был, с точки зрения этики стоит на уровне примитивной, бессознательной инстинктивной жизни.

Но сугубо формально-этическое определение индивидуальной деятельности недостаточно для прояснения отношения между тактикой и этикой. Вследствие того, что индивид, реализующий в себе некое этическое решение, следует какой-то тактике или отклоняет ее, он оказывается на специальном уровне деятельности, а именно, — политическом, и эта особенность его деятельности, в соответствии с точкой зрения чистой этики, содержит то следствие, что он должен знать, при каких обстоятельствах и как он действует.

Введенное тем самым понятие «знания», однако, нуждается в дальнейшем прояснении. С одной стороны, «знание» никоим образом не может означать совершенного постижения актуальной политической ситуации и всех возможных последствий; с другой стороны, его нельзя рассматривать как результат чисто субъективных размышлений в том смысле, что данный человек действует «по совести» и «в здравом уме и трезвой памяти». В первом случае с самого начала невозможной была бы любая человеческая деятельность; во втором, — открывался бы путь для величайшего легкомыслия и фривольности, и всякий моральный критерий становился бы иллюзорным. Но поскольку серьезность и сознание ответственности индивида составляют моральный критерий для всякого деяния, поскольку действующий человек как раз и мог бы знать последствия своих действий, встает вопрос, может ли он, зная эти последствия, отвечать за них также перед своей совестью. Правда, эта объективная возможность варьирует от индивида к индивиду и от случая к случаю, но в сущности она поддается определению приме-

нительно к каждому индивиду и каждому случаю. Уже теперь для каждого социалиста поддается определению содержание объективной возможности осуществления общественного идеала социализма и появление критерия возможности в силу философско-исторической актуальности этого идеала. Следовательно, морально правильная деятельность для всякого социалиста теснейшим образом связана с правильным познанием данной философско-исторической ситуации, чей торный путь выглядит лишь так, что каждый индивид стремится сделать осознанным для себя одного это самосознание. Первой и неизбежной предпосылкой для этого является образование классового сознания. Но чтобы правильная деятельность стала правильным и верным регулятивом, классовое сознание должно подняться над своей просто действительной данностью осмыслить свое всемирно-историческое призвание и сознание своей ответственности. Ведь классовый интерес, реализация которого составляет содержание классово-сознательной деятельности, не совпадает ни с совокупностью принадлежащих к классу индивидов, ни с актуальными, сиюминутными интересами класса как коллективного единства. Осуществляющие социализм классовые интересы и классовое сознание, которое их выражает, знаменуют собой всемирно-историческое призвание; и тем самым вышеупомянутая объективная возможность также равносильна вопросу, пришло ли то историческое мгновение, которое из стадии постоянного приближения к социализму — скачкообразно — переводит процесс в стадию подлинного осуществления.

Но каждый отдельный человек должен знать, что здесь, по сути дела, речь может идти только о возможности. Нельзя представить себе науку, которая с той же точностью и надежностью, с какой астрономия определяет появление кометы, может сказать применительно к обществу: сегодня пробил час осуществления принципов социализма. Столь же маловероятным является существование науки, которая могла бы сказать: сегодня момент еще не наступил, надо ждать, он придет завтра или через два года. Наука, познание могут

выявлять только возможности, — и осуществимость или неосуществимость социализма находится только в области возможного, в которой возможна моральная, ответственная деятельность, деятельность истинно человеческая. Но для того, кто постигает эту возможность, если он социалист, уже больше нет выбора и нет колебаний.

Это отнюдь не означает, что возникающая этим путем деятельность по необходимости уже будет морально безошибочной и безупречной. Никакая этика не может ставить перед собой задачу отыскать рецепты корректной деятельности и сгладить либо отвергнуть непреодолимые, трагические конфликты в человеческой судьбе. Напротив: этическое самоосознание указывает как раз на то, что существуют ситуации — трагические ситуации, в которых невозможно действовать, не навлекая на себя вины; но одновременно оно также учит нас, что нам надлежит выбирать между двумя способами быть виновными, что существует мерило для правильного и ложного действия. И таким мерилom является одно: жертва. И подобно тому, как индивид, выбирая между двумя способами быть виновным, в конце концов делает верный выбор тогда, когда приносит свое неполноценное Я на алтарь более высокой идеи, необходимо найти силы и для того, чтобы взвесить эту жертву и для коллективной деятельности; тут идея воплощается как приказ всемирно-исторической ситуации, как философско-историческое призвание. Ропшин (Борис Савинков⁴, руководитель террористической группы во время русской революции 1904–1906 гг.) сформулировал в одном из своих романов проблему индивидуального террора следующим образом: убивать непозволительно, на убийцу ложится безусловная и непростительная вина; убивать «нельзя», но убивать «надо». В другом месте этой книги он видит не оправдание террористического акта, — оно невозможно, — но его последний моральный корень в том, что за братьев своих он жертвует не только своей жизнью, но и своей чистотой, своей моралью, своей душой. Другими словами: лишь акт убийства, совершенный человеком, который непоколебимо

и без всяких сомнений знает, что убийство нельзя оправдать ни при каких обстоятельствах, может иметь — трагическую — моральную природу. Чтобы выразить эту идею высшей человеческой трагики, приведем неподражаемо прекрасные слова из «Юдифи» Геббеля⁵: «И если Бог ставит между мной и возложенным на меня делом грех, то кто я такой, чтобы от него уклоняться?»

1919 год

<...>

К вопросу о парламентаризме

I

Сегодня отовсюду приходится слышать утверждения: вопрос о парламентаризме — это не принципиальный, а чисто тактический вопрос. Это положение, будучи, несомненно, правильным, страдает, однако, многими неясностями. Даже если отвлечься от того, что оно почти всегда звучит из уст тех, кто в практическом плане выступает за парламентаризм, что оно, стало быть, почти всегда равносильно занятию позиции в пользу парламентаризма, — простая констатация, что некий вопрос имеет не принципиальную, а тактическую природу, еще очень мало о чем говорит. Особенно потому, что, из-за отсутствия настоящей теории познания социализма, отнюдь не проясненным является отношение тактического вопроса к принципам.

Безо всяких претензий на обстоятельный разбор этой проблемы, мы считаем нужным тем не менее подчеркнуть следующее. Под тактикой разумеется практическое применение теоретически установленных принципов. Тем самым тактика выступает в качестве связующего звена между целеполаганием и непосредственно данной действительностью. Следовательно, она определяется двояким образом. С одной стороны, непоколебимо установленными принципами и целеполаганиями

коммунизма. С другой стороны, постоянно изменяющейся исторической действительностью. И если вновь и вновь высказывается тезис о большой гибкости коммунистической тактики (по крайней мере, в том смысле, что она должна быть таковой), то для правильного понимания этого положения не стоит забывать о том, что *нежесткость коммунистической тактики есть прямое следствие жесткости принципов коммунизма*. Лишь благодаря тому, что неизменные принципы коммунизма имеют назначение в том, чтобы жизненным и плодотворным способом преобразовывать беспрестанно изменяющуюся действительность, они могут приобрести такую гибкость. Всякая «реальная политика», всякая беспринципная деятельность становится косной и схематичной, и тем более косной и схематичной, чем упрямее подчеркивается ее свободный от принципов характер (например, империалистическая политика Германии). Ибо устойчивое в переменчивом, путеводное в избыточном не может быть исключено никакой «реальной политикой». Если эту функцию выполняет не теория, которая в состоянии оказать плодотворное влияние на факты и быть плодотворной для них, то ее место должны занять привычка, шаблон, рутина; и тогда политика оказывается неспособной отвечать требованиям момента.

Именно благодаря этой своей укорененности в теории, в принципах коммунистическая тактика отличается от всякой буржуазной или социал-демократическо-мелкобуржуазной «реально-политической» тактики. Коль скоро некоторый вопрос расценивается как тактический вопрос для коммунистической партии, то стоит уяснить себе: во-первых, от каких принципов зависит данный тактический вопрос? Во-вторых, для какой исторической ситуации, сообразно указанной зависимости, является приемлемой эта тактика? В-третьих, что собой должна представлять такая тактика, опять же сообразно этой зависимости? В-четвертых, как можно мыслить связь отдельного тактического вопроса с другими от дельными тактическими вопросами, опять-таки сообразно их сопряженности с принципиальными вопросами?

II

Чтобы более конкретно определить парламентаризм как тактический вопрос коммунизма, надо всегда исходить, с одной стороны, из принципов классовой борьбы, с другой стороны, из конкретного анализа того, как сегодня фактически складывается соотношение материальных и идеологических сил противоборствующих классов. Отсюда вытекают две решающие постановки вопроса. Первая: *когда* парламентаризм вообще становится на повестку дня как оружие, как тактическое средство пролетариата? Второе: *как* пользоваться этим оружием в интересах пролетарской классовой борьбы?

Классовая борьба пролетариата по сути своей является отрицанием буржуазного общества. Это никоим образом не равносильно справедливо высмеянному Марксом политическому индифферентизму по отношению к государству, а напротив, означает такой способ борьбы, при котором пролетариат вообще не дает себя связать формами и средствами, которые создало буржуазное общество для своих собственных целей; такой способ борьбы, при котором инициатива полностью находится на стороне пролетариата. Но только нельзя при этом забывать, что такой способ пролетарской классовой борьбы может получить развитие в чистом виде лишь крайне редко. Прежде всего потому, что пролетариат, будучи по своей *философско-исторической миссии* в постоянной борьбе в существующем буржуазном обществе, в *данных исторических ситуациях* очень часто должен держать оборону против буржуазии. Идея пролетарской классовой борьбы — это одно великое наступление на капитализм. История заставляет пролетариат вести такое наступление. Тактическое положение, в котором на данный момент находится пролетариат, можно сообразно с этим наиболее просто описать как наступательное или оборонительное по своему характеру. Причем из вышесказанного само собой вытекает, что в оборонительных положениях должны применяться тактические средства, которые

по своей глубочайшей сути противоречат идее пролетарской классовой борьбы. Настоятельно необходимое применение таких средств связано поэтому с постоянной опасностью, что они могут нанести ущерб цели, во имя которой они применяются, — классовой борьбе пролетариата.

Парламент, этот излюбленный инструмент буржуазии, стало быть, может служить пролетариату *лишь как оборонительное оружие*. Вопрос о том, когда его применять, решает сам собой: на той фазе классовой борьбы, когда пролетариат то ли в силу внешнего соотношения сил, то ли в силу собственной идеологической незрелости не способен еще бороться своими собственными наступательными средствами. Для коммунистической партии прибегнуть к парламентской деятельности — это значит, следовательно, *осознать и признать, что революция в обозримое время немислима*.

Что загнанный в оборону пролетариат волен тогда применять трибуну парламента для агитационных и пропагандистских целей; он волен употребить в качестве заместителя иных отнятых у него форм выражения те возможности, которые обеспечивает членам парламента буржуазная свобода; он волен воспользоваться парламентскими битвами с буржуазией для собирания собственных сил, для подготовки действительной, настоящей борьбы против буржуазии. Само собой понятно, что подобная фаза, по всей вероятности, может иметь довольно большую продолжительность; но остается неизменным факт, что для коммунистической партии парламентская деятельность никогда не может быть чем-то большим, нежели подготовкой к настоящей борьбе, никогда не может быть самой настоящей борьбой.

III

Еще труднее, чем определить момент, когда становится возможным применение парламентской тактики, является определение того, как должна вести себя коммунистическая фракция в парламенте. (Впрочем, оба эти вопроса очень тесно связаны между собой.) Почти всегда ссылаются на пример

Карла Либкнехта⁶ и большевистской фракции в Думе^{*7}. Оба примера, однако, показывают, насколько трудно коммунистам наметить правильную линию поведения в парламенте, какие незаурядные способности это предполагает у коммунистических парламентариев. Главную трудность можно кратко резюмировать следующим образом: коммунистический парламентарий должен бороться против парламента в парламенте. А именно: с помощью тактики, которая ни на миг не становится на почву буржуазии, на почву парламентаризма. При этом имеется в виду не «протест» против парламентаризма, не «борьба» с ним во время «дебатов» (это все тот же парламентаризм, легальность, все та же революционная фраза), а борьба против парламентаризма, против господства буржуазии посредством действия в самом парламенте.

Это революционное действие не может иметь иной цели, нежели идеологически подготовить переход пролетариата от обороны к наступлению. Это значит, что посредством этого действия буржуазия и вместе с ней ее социал-демократические приспешники вынуждаются настолько разоблачить свою классовую диктатуру, что это может стать опасным для дальнейшего существования самой этой диктатуры. Следовательно, коммунистическая тактика разоблачения буржуазии в парламенте требует не словесной критики (во многих случаях последняя есть не более чем голая революционная фразеология, которую терпит буржуазия), а провоцирование буржуазии к открытому выступлению, к саморазоблачению с помощью действий, которые могут оказаться неблагоприятными для нее в данный момент. Поскольку парламентаризм является оборонительной тактикой пролетариата, постольку при его применении оборона

* В последний раз — Карл Радек в своей работе «Развитие мировой революции и тактика коммунистических партий в борьбе за диктатуру пролетариата» (*Radek K. Die Entwicklung der Weltrevolution und die Taktik der Kommunistischen Parteien im Kampfe für die Diktatur des Proletariats. Berlin, 1920. S. 29*).

должна быть построена таким образом, чтобы тактическая инициатива тем не менее оставалась за пролетариатом, чтобы вылазки буржуазии были роковыми для нее самой*.

Это чрезвычайно краткое и грубое разъяснение, надо полагать, с достаточной ясностью показывает огромные трудности такой тактики. Первая трудность, с которой сталкиваются почти все без исключения парламентские группы, состоит в том, что в самом парламенте надо добиться действительного выхода за рамки парламентаризма. Ибо даже самая острая критика какого-то действия господствующих классов остается голословной, простой революционной фразой, если она не вырывается из рамок парламента. Если она не ведет к вспышке в этот момент самой классовой борьбы, к выявлению классовых противоположностей в более открытой и поэтому подстегивающей идеологию пролетариата форме. Оппортунизм — великая опасность парламентской тактики — имеет свои последние корни именно в этом: всякая парламентская деятельность, которая по своей сути и по своему воздействию не выходит за рамки парламента, не имеет по меньшей мере тенденции к их разрушению, является оппортунистической. И этого ничуть не может изменить даже самая острая критика, которая ведется внутри этих рамок. Напротив. Как раз в силу того факта, что кажется возможной острая критика буржуазного общества в рамках парламента, продолжается желательное для буржуазии затуманивание пролетарского классового сознания. Фикция буржуазной парламентской демократии основана именно на том, что парламент выступает не как орган классового угнетения, а как орган «всего народа». Поскольку любой словесный радикализм — в силу факта своей возможности в парламенте — укрепляет иллюзии бессознательных слоев

* Очевидно, об этой тактике думает Энгельс⁸ в своем, часто неверно — в большинстве случаев умышленно неверно — толкуемом предисловии к «Классовым битвам во Франции», когда он говорит, что партии порядка гибнут от созданных ими же самими «законных» установлений. Энгельс, несомненно, описывает состояние обороны.

пролетариата в отношении этой фикции, постольку он является оппортунистическим и должен быть отброшен.

Следовательно, парламент надо саботировать *в качестве парламента*, парламентская деятельность должна выходить за рамки парламентаризма. При такой постановке задачи перед парламентским представительством коммунистов возникает еще одна тактическая трудность, которая может весьма обременить эту работу даже тогда, когда опасность оппортунизма кажется преодоленной. Эта трудность состоит в том, что, несмотря на все усилия, которые способна предпринять коммунистическая фракция в парламенте, инициатива и вместе с ней тактическое превосходство тем не менее остаются на стороне буржуазии. Ведь тактическое превосходство определяется тем, кому из борющихся противников удастся навязать другому благоприятные для него самого условия борьбы. Уже было подчеркнуто, что всякая установка на чисто парламентскую борьбу есть тактическая победа буржуазии; следовательно, во многих случаях пролетариат стоит перед выбором — либо уклониться от решающих боев (остаться в парламенте: опасность оппортунизма), либо выйти за рамки парламентаризма, апеллировать к массам в тот момент, когда это выгодно для буржуазии. Наиболее четкий пример неразрешимости этого вопроса дает нам современное положение итальянского пролетариата. Выборы, которые открыто проводились под коммунистическим флагом как широкомасштабная «агитация», дали партии большое число мандатов. И что дальше? Либо участие в «позитивной» работе парламента, чего желает Турати⁹ и ему подобные; следствие — победа оппортунизма, опошление революционного движения или открытый саботаж партии; следствие — более ранние или более поздние прямые столкновения с буржуазией, причем пролетариат не властен выбирать момент такого столкновения. Мы хотели бы быть правильно понятыми: мы не исходим из смешного предположения, будто можно «выбрать» момент, «удобный» для революции; напротив, мы полагаем, что революционные взрывы являются стихийными действиями масс, при которых роль партии

состоит в разъяснении целей, определении направления. Однако тем, что исходный пункт столкновения находится в парламенте, наносится ущерб именно этой стихийности. Парламентская акция превращается либо в пустую демонстрацию (будучи длительной, она утомляет и усыпляет массы), или ведет к удачному провоцированию буржуазии. Итальянская фракция, боясь этой последней возможности, бесхребетно колеблется взад-вперед между пустой демонстрацией и тихим оппортунизмом революционной фразы. (Наряду с этими методологически-тактическими ошибками были сделаны, конечно, так сказать, и содержательно-тактические ошибки, например мелкобуржуазная демонстрация в защиту республики).

IV

Этот поучительный пример демонстрирует совершенно ясно, сколь опасной для пролетариата может стать «победа на выборах». Ибо величайшая опасность для Итальянской коммунистической партии¹⁰ состоит в том, что ее антипарламентская деятельность в парламенте очень легко может привести к разрушению парламента, хотя итальянский пролетариат все еще не обладает необходимой для решающего боя идеологической и организаторской зрелостью. Противоречие между победой на выборах и неподготовленностью пролетариата очень ярко показывает несостоятельность того аргумента в пользу парламентаризма, будто парламент надо рассматривать как что-то вроде «боевого смотра» пролетариата. Ведь если бы за полученными «голосами» стояли настоящие коммунисты, то эти сомнения отпали бы, идеологическая зрелость была бы уже достигнута.

Но благодаря этому обнаруживается также, что и сама избирательная агитация в качестве чисто пропагандистского средства является не безупречной. Пропаганда, которую ведет коммунистическая партия, должна служить прояснению классового сознания пролетарских масс, их пробуждению к классовой борьбе. В соответствии с этим она должна

быть направлена на максимальное ускорение процесса дифференциации внутри пролетариата. Чтобы достичь этого, нужно, с одной стороны, чтобы сознательное и сплоченное ядро революционного пролетариата (коммунистическая партия) развивалось количественно и качественно, а с другой стороны, чтобы партия с помощью наглядной школы революционной деятельности увлекала за собой полусознательные слои и вела их к революционному осознанию их положения. Крайне сомнительно, чтобы предвыборная агитация служила средством для этого. Ибо подача голоса — это не только не есть действие, это есть нечто намного худшее: это — мнимое действие, иллюзия действия. Она поэтому не способствует росту сознательности, а напротив, затуманивает сознание. Собирается, кажется, большое войско, которое оказывается совершенно несостоятельным в тот момент, когда от него понадобится настоящая стойкость (немецкая социал-демократия в августе 1914 г.).

Такое положение дел является неизбежным следствием парламентских партий типично буржуазного склада. Как у всей организации буржуазного общества, так и у буржуазных парламентских партий конечной, пусть даже редко осознаваемой, целью является затемнение классового сознания. Будучи исчезающе малой частью населения, буржуазия способна поддерживать свое господство лишь благодаря тому, что она ведет за собой все колеблющиеся в материальном, равно как и в идеологическом отношении, не обретшие ясности слои. Буржуазно-парламентская партия в соответствии с этим является результатом самых различных классовых интересов (при этом, конечно, с точки зрения капитализма, мнимый компромисс всегда является большим, нежели действительный). Но пролетариату, когда он участвует в избирательной борьбе, почти всегда навязывается эта партийная структура. Обособленная жизнь любого избирательного механизма, который неизбежно работает на достижение как можно большей «победы», почти всегда оказывает влияние на лозунги, ориентирующиеся на приобретение «попутчиков». И даже тогда, когда это не делается

или по крайней мере не осознается, вся техника выборов настроена на приманивание «попутчиков», что кроет в себе роковую опасность: это может повести к разрыву между убеждением и действием и тем самым пробудить тягу к буржуазности, к оппортунизму.

Воспитательная работа коммунистических партий, их воздействие на не достигшие ясности и колеблющиеся группы пролетариата могут быть по-настоящему плодотворными лишь тогда, когда революционная убежденность крепнет в них благодаря наглядной школе революционной деятельности. Всякая избирательная кампания сообразно своей буржуазной сущности уводит в диаметрально противоположном направлении, чему можно действительно воспрепятствовать лишь в очень редких случаях. Итальянская коммунистическая партия также подверглась этой опасности. Правое крыло рассматривало присоединение к III Интернационалу¹¹, требование установить Республику Советов лишь в качестве избирательного лозунга. Процесс дифференциации, *действительное* завоевание масс для коммунистической *деятельности*, таким образом, может *начаться* лишь гораздо позже (вероятно, при более неблагоприятных обстоятельствах). Вообще избирательные лозунги уже хотя бы потому, что они не стоят ни в каком непосредственном отношении к деятельности, показывают примечательную тенденцию к смазыванию противоположностей, к соединению расходящихся направлений — к таким свойствам, которые сплошь и рядом являются более чем сомнительными именно при современном состоянии классовой борьбы, когда главное заключается в действительном трудовом единстве пролетариата, а не в мнимом единстве старых партий.

V

К числу почти непреодолимых трудностей работы коммунистов в парламенте относится слишком большая самостоятельность и обособленность от жизни партии, которые обычно предоставляются парламентским группам. Что

для буржуазных партий это является преимуществом, понятно само собой, но об этом здесь нет возможности поговорить более подробно*. Но что полезно для буржуазии, то почти всегда опасно для пролетариата. Так обстоит дело и в этом случае: вышеозначенных опасностей парламентской тактики можно избежать с некоторыми видами на успех лишь при том условии, что *парламентская деятельность целиком и полностью будет подчинена внепарламентскому центральному руководству*. Это кажется самоочевидным в теоретическом плане, но опыт учит нас, что соотношение между партией и парламентской фракцией почти всегда является обратным, что партия идет на поводу у парламентской фракции. Так, например, было во время войны, когда К. Либкнехт, естественно, совершенно напрасно взывал перед лицом партийной фракции в рейхстаге к обязательствам, вытекающим из программы партии**.

Еще больше трудностей, чем отношение между парламентской фракцией и партией, несет в себе отношение между парламентской фракцией и рабочим Советом. Трудность теоретически верной постановки этого вопроса вновь проливает яркий свет на проблематический характер парламентаризма в классовой борьбе пролетариата. Рабочие Советы как *организации совокупного пролетариата* (сознательного, равно как и несознательного) *просто потому, что они существуют, выводят за рамки буржуазного общества*. По своей сути они являются революционными организациями, обеспечивающими экспансию, боеспособность и силу пролетариата. Как таковые они являются подлинным критерием развития революции. Ибо все, что делается и достигается в рабочих Советах, берется с бою у буржуазии и именно поэтому ценно не только как результат, но главным образом — как средство воспитания к классово сознательной деятельности. Вершиной «парламентского кретинизма» являются попытки (вроде

* Это связано с вопросом о тех преимуществах, которые дает буржуазии так называемое разделение властей.

** *Liebknrecht K. Klassenkampf gegen den Krieg*. Berlin, 1915. S. 53.

тех, что были предприняты НСПГ), «укоренить в конституции» рабочие Советы, обеспечить для них определенное легальное поле деятельности. *Легальность убивает рабочий Совет*. Как наступательная организация революционного пролетариата рабочий Совет существует лишь тогда, когда он угрожает бытию буржуазного общества, когда он шаг за шагом борется за его разрушение и вместе с тем за построение пролетарского общества, подготавливает то и другое. Всякая легальность, то есть всякая включенность в буржуазное общество с *определенными границами* компетенции, превращает его бытие в мнимое существование: из рабочего Совета получается смесь дискуссионного клуба, комитета и карикатуры на парламент.

Итак, могут ли рабочий Совет и парламентская фракция вообще сосуществовать друг с другом в качестве тактических орудий борьбы пролетариата? Кажется естественным, что из наступательного характера Совета и оборонительного характера фракции вытекает их взаимодополнительность**. При подобных попытках примирения, однако, упускается из виду, что наступление и оборона в классовой борьбе являются диалектическими понятиями, каждое из которых объемлет целый мир действий (и значит, в каждом из двух случаев — отдельные наступательные и оборонительные акции) и может применяться лишь на определенной стадии классовой борьбы, но тогда уже исключая все прочее. Различие между двумя этими фазами коротко и ясно применительно к рассматриваемому вопросу можно определить так: пролетариат до тех пор находится в обороне, пока не начинается процесс разложения капитализма. Когда эта фаза экономического развития наступила, то пролетариат, независимо от того, осознана эта перемена или нет, кажется ли она «научно» зафиксированной и доказуемой или нет, в любом случае *вынужден переходить в наступление*. Поскольку процесс развития идеологии отнюдь не совпадает с процессом развития эконо-

* Предложение Макса Адлера превратить рабочий Совет во вторую палату парламента.

мики и даже является вполне параллельным ему, постольку объективная возможность и необходимость наступательной фазы классовой борьбы пролетариата редко бывает в достаточной степени подготовлена идеологически. Правда, в силу экономического положения стихийная деятельность масс приобретает революционную направленность, но она постоянно сбивается на ложный путь или, в конце концов, саботируется оппортунистическим руководящим слоем, который и не хочет, и не может отрешиться от привычек оборонительной стадии. На наступательной фазе классовой борьбы сообразно этому пролетариату уже враждебно противостоят не только буржуазия и ведомые ею слои пролетариата, но и *его собственное прежнее руководство*. Предметом критики, стало быть, является в первую очередь больше не буржуазия (она уже осуждена историей), а правое крыло и центр рабочего движения, социал-демократия, без помощи которой капитализм ни в одной стране не имел бы ни малейших шансов самостоятельно хотя бы на время преодолеть свой нынешний кризис.

Но критика пролетариата — это тоже *критика делом*, воспитание к революционной деятельности, наглядная школа. Для этого рабочие Советы являются самым лучшим из всех мыслимых инструментов. Ибо важнее, чем все отдельные достижения, которые Советы могут принести пролетариату, является их воспитательная функция. *Рабочий Совет — это смерть социал-демократии*. В то время как в парламенте фактический оппортунизм еще можно маскировать революционной фразой, рабочий Совет вынужден действовать, в противном случае он перестает существовать. Эта деятельность, сознательным вождем которой должна быть коммунистическая партия, влечет за собой разложение оппортунизма, необходимую сегодня критику. Неудивительно, что социал-демократия страшится самокритики, навязываемой ей рабочими Советами. Развитие рабочих Советов в России в период от первой до второй революций ясно показывает, куда должно вывести это развитие.

Тем самым можно было бы дать такое теоретико-тактическое определение места рабочего Совета и парламента:

там, где возможен рабочий Совет (даже в самых скромных рамках), парламентаризм излишен. Он даже опасен, ибо суть его такова, что возможная в его рамках критика является лишь критикой буржуазии, а не самокритикой пролетариата. Но пролетариат, пока он не достигнет благословенной страны освобождения, должен идти сквозь очистительный огонь этой самокритики. В нем он сжигает, сбрасывает собственный облик, обретенный в капиталистическую эпоху, который наиболее выразительно воплощен в социал-демократии, и тем самым очищает самого себя.

1920 год

Моральное призвание коммунистической партии

I

Как и любое из произведений В. И. Ленина, эта брошюра* заслуживает того, чтобы ее тщательнейшим образом изучили все коммунисты. Она вновь демонстрирует совершенно поразительную способность Ленина постигать решаящее новое в каждом явлении, рождаемом развитием пролетариата, сущностным образом постигать и делать постижимым ее сущностную сердцевину. Если предшествующие работы были посвящены полемике, в большей мере занимались боевыми организациями пролетариата (прежде всего, государством), то эта работа посвящена крепнущим сегодня росткам нового общества. Подобно тому, как капиталистическая форма производства с ее продиктованной экономическим принуждением (голодом) трудовой дисциплиной превосходила характерную для крепостничества форму голого насилия, точно так и свободное сотрудничество свободных людей в новом обществе далеко превзойдет капитализм

* *Lenin. Die große Initiative.* Unionverlag. Bern. 1920 (Ленин В. И. Великий почин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 5–29).

также и в отношении производительности труда. Социал-демократические пораженцы, отрекающиеся от мировой революции, именно в этом отношении крайне скептически. Они ссылаются на расшатывание трудовой дисциплины, на падение производительности труда, одним словом, на факты, которые представляют собой необходимые побочные явления, сопровождающие разложение капиталистического экономического строя. С нетерпимостью и нетерпеливостью, которые по интенсивности сопоставимы лишь с их терпением и терпимостью по отношению к капитализму, они указывают на то, что эти факты не были тотчас же изжиты Советской Россией. Сырьевой дефицит, внутренняя борьба, организационные трудности на их взгляд извинительны лишь для капиталистических государств, пролетарский же общественный строй, по их мнению, должен уже в момент своего рождения ознаменоваться как внутренним, так и внешним преобразованием всех отношений, улучшением положения во всех областях. Подлинные революционеры, прежде всего Ленин, отличаются от мелкобуржуазных приверженцев этого утопизма полным отсутствием иллюзий, они знают, чего ждать от гибнущего в мировой войне хозяйства, и прежде всего — чего ждать от душевно искалеченного и опустошенного, воспитанного эгоистом человека. Но отсутствие иллюзий никогда не означает для истинного революционера малодушия и отчаяния. Оно равносильно упроченной познанием веры во всемирно-историческую миссию пролетариата; вере, которая никогда не может быть поколеблена медлительностью и более чем отвратительной обстановкой, в которой осуществляется эта миссия. Подлинный революционер приемлет всё это, через все трудности и помехи проносит свою цель, никогда не теряя из виду ее и залоги ее приближения.

Коммунистические субботники, трудовые мобилизации, которые взяла на себя Всероссийская коммунистическая партия (большевиков), подвергались рассмотрению часто и с различных точек зрения. Понятным образом, главное внимание всегда уделялось их фактическим и возможным экономическим последствиям, но сколь бы важны ни были

эти последствия коммунистических субботников, возможность и характер их возникновения означают еще и нечто другое, далеко выходящее за их непосредственно экономические результаты. «Коммунистические субботники, — говорит В. И. Ленин, — именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйствования и жизни»*.

Коммунистические партии других стран часто упрекают за то, что они в своих действиях и требованиях слишком рабски подражают русскому примеру. Мне кажется, что во многих (далеко не существенных) пунктах имеет место обратное: европейские коммунистические партии не могут или не хотят уяснить себе истинные источники силы русского движения и даже тогда, когда что-то понимают в нем, оказываются не в силах воплотить эти уроки в жизнь.

Коммунистические субботники, эти первые зачатки перехода от трудовой дисциплины капиталистического экономического строя к социалистической трудовой дисциплине, как подступ к «скачку из царства необходимости в царство свободы» *отнюдь не являются институциональными действиями Советского правительства, а представляют собой моральные деяния коммунистической партии*. И именно эта решающая и определяющая сторона действительности ВКП(б) наименее правильно оценивается братскими партиями; из нее почти не извлекаются должные уроки, пример ВКП(б) не находит почти никакого подражания.

II

Все мы знаем и беспрестанно подчеркиваем: *коммунистическая партия есть организационное выражение революционной воли пролетариата*. Ей, стало быть, совсем не обязательно с самого начала охватывать весь пролетариат;

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 13.

как сознательный вождь революции, как воплощение идеи революции, она, напротив, должна объединять самых сознательных ее поборников, действительно революционных, классово сознательных рабочих. Сама революция необходимо порождается той естественной закономерностью, с которой действуют экономические силы. Задача и призвание коммунистических партий состоит в том, чтобы придать революционному движению, которое — по меньшей мере, зачастую — возникает независимо от них, *направленность и цель*, и наставить на единственно возможный путь к спасению, на путь диктатуры пролетариата стихийные выступления пролетариата, вспыхивающие вследствие кризиса капиталистического экономического строя. Старые партии, таким образом, представляли собой основанные на компромиссах сборища, неоднородные массы, которые в силу этого очень быстро бюрократизировались и очень быстро порождали оторванную от масс аристократию партийных офицеров и унтер-офицеров, в то время как новые коммунистические партии должны быть чистым выражением классовой борьбы, революции, выхода за пределы буржуазного общества. Переход от старого к новому обществу, однако, знаменует собой *не только экономические и институциональные, но также моральные изменения*. Во избежание недоразумений отметим: нет ничего более чуждого нам, чем мелкобуржуазный утопизм тех, кто уповает на изменение общества путем внутреннего изменения человека. Мелкобуржуазный характер этой концепции состоит, не в последнюю очередь, в том, что ее представители — сознательно или бессознательно — относят изменение общества во вневременную недостижимую даль. Напротив, мы подчеркиваем, что переход от старого общества к новому есть необходимое следствие объективно экономических сил и закономерностей. Но этот переход — при всей объективной необходимости — есть именно переход от стесненности и овеществления к свободе и человечности. А поэтому *свобода не может быть* лишь плодом, результатом развития, в развитии должен наступить такой момент, когда она становится одной из его движущих сил. Ее значение

как движущей силы должно постоянно расти, пока не наступит такое мгновение, когда она полностью возьмет на себя руководство ставшим наконец-то человеческим обществом, когда прекратится «предыстория человечества» и сможет начаться его настоящая история.

Начало этой фазы, по нашему мнению, совпадает с возникновением революционного сознания, с основанием коммунистических партий. Ибо каждая коммунистическая партия, поскольку она не только находится в оппозиции к буржуазному обществу, но воплощает собой его отрицание, превратившееся в деяние, представляет собой не только нечто противоположное старым социал-демократическим партиям; скорее она есть начало их уничтожения, их исчезновения. Глубочайший трагизм рабочего движения состоял в том, что оно — идеологически — никогда не могло полностью отрешиться от почвы капитализма. Старые социал-демократические партии даже не пытались всерьез добиться этого: по сути своей они оставались чисто буржуазными партиями; компромисс, ловля голосов, дешевая демагогия, интриги, карьеризм и бюрократия точно так же являются их характерными чертами, как они присущи буржуазным партиям. Коалиции с буржуазными партиями поэтому суть не только следствия объективно-политической необходимости, но также следствия внутреннего строения, истинной сущности социал-демократических партий. Отсюда более чем понятно, что среди истинно революционных, но не достигших ясного сознания течений рабочего класса заявила о себе тенденция, направленная не только против мелкобуржуазной, продажной и контрреволюционной сути старых партий, но и вообще *против партий как таковых*. Одна из причин возникновения и притягательной силы синдикализма несомненно состоит именно в этом — в этическом осуждении старых партий.

ВКП(б) никогда не угрожала опасность, которая связана с этим. Дилеммам старой партии и синдикализма, бюрократической организованности и раздробленности партии она ясно противопоставляет еще одну альтернативу.

Эта третья возможность есть тот пункт, *последствия* которого мы шаг за шагом наблюдаем в русской революции; но для познания ее оснований, для включения их в наше движение в качестве движущей силы мы были до сих пор слишком инертными и слишком ленивыми.

Источниками этой силы ВКП(б) являются, во-первых, ее внутренняя организация, во-вторых, понимание ею своей задачи и назначения, и в-третьих (что является следствием двух первых моментов), способ воздействия партии на ее членов. ВКП(б), в противоположность прежним социал-демократическим партиям и большинству зарубежных партий — это замкнутая, а не открытая партия. Не только в том смысле, что она принимает в свои ряды не каждого встречного (что является одной из главных причин коррупции и компромиссов), но и в том смысле, что не всякий желающий вступить в ее ряды может это сделать, в качестве фильтра тут служит слой так называемых сочувствующих («друзья коммунистов»), из которого приходят в самую партию те, кто отвечает *моральным* требованиям, предъявляемым к российскому коммунисту. Партия, однако, отнюдь не ориентируется лишь на прирост численности своих рядов, напротив, главное для нее — это качество тех, кто остается в ее рядах. Поэтому партия использует всякую возможность, предоставляемую великими тяготами революции, для *чистки своих рядов*. «Мобилизация коммунистов на войну, — пишет Ленин, — нам помогла: трусы и негодяи побежали прочь из партии. Скатертью дорога! *Такое* уменьшение членов партии есть *громадное увеличение* ее силы и веса. Надо продолжать чистку, используя почин коммунистических субботников». Такая чистка партии, следовательно, связана с «*неуклонным повышением ее требовательности* насчет работы действительно коммунистической»*.

Это внутреннее устройство ВКП(б) указывает на вторую сторону, на которую мы хотели бы обратить внимание, — на призвание партии в революции. Коммунистическая пар-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 27–28.

тия как авангард революции должна всегда — по крайней мере, на один шаг — опережать развитие масс. Подобно тому, как необходимость революции осознавалась коммунистической партией в то время, когда широкие массы в лучшем случае испытывали смутное недовольство своим положением, точно так же сознание царства свободы должно жить в коммунистических партиях и предопределять их деятельность уже тогда, когда ведомые ими массы еще не в состоянии отрешиться от тлетворной почвы капитализма. Эта роль коммунистической партии, правда, в полной мере становится актуальной лишь с созданием Советского государства. А именно, когда пролетариат *институционально* устанавливает свою власть, то весь вопрос в том, действительно ли коммунистичен тот дух, который живет в пролетариях, является ли он духом возникающей сегодня новой человечности или же это новая заварка старого общества. Проясняющим, очищающим движущим принципом может быть лишь коммунистическая партия. Поскольку изменение форм правления не может тотчас же повлечь за собой внутреннее изменение людей, постольку всё скверные особенности капиталистического общества (бюрократия, коррупция и т. д.) неизбежно проявятся в советских учреждениях. Существует серьезная опасность того, что они разложатся или окостенеют, не успев еще по существу сформироваться. Тут коммунистическая партия должна выступить как критик, как образец, как оплот, как распорядитель и улучшатель — и лишь она одна в состоянии быть всем этим*.

Таким образом, коммунистическая партия, будучи воспитателем пролетариата и готовя его к революции, должна стать воспитателем человечества и готовить его к свободе и самодисциплине. Но это призвание она способна выполнить лишь тогда, когда она с самого начала борется за дело воспитания своих собственных членов. Мы мыслили бы совершенно не по-марксистски, не диалектично, если бы

* См. статью товарища Владимира Соруна «Коммунистическая партия и советские учреждения».

попытались строго отделить друг от друга вышеуказанные две фазы развития. Они, напротив, постоянно переходят друг в друга и никто не сможет определить, когда начинается одна и когда завершается другая. Поэтому с момента возникновения коммунистических партий человеческий идеал царства свободы должен действовать в них как сознательный принцип их деятельности, как движитель их жизни. Организационные формы, повышение сознательности путем просвещения и пропаганды суть решающие и существенные средства для этого. Но отнюдь не единственные. Очень многое, в конечном счете главное должны сделать *сами коммунисты как люди*.

Коммунистическая партия должна быть первым воплощением царства свободы; в ней впервые должен воцариться дух братства, подлинной солидарности, готовности и способности к самопожертвованию. Если она не способна добиться этого или если она, по крайней мере, не прилагает серьезных усилий для претворения всего этого в жизнь, то такая коммунистическая партия отличается от других партий лишь своей программой. Существует даже опасность того, что та непреодолимая дистанция, которая в программном плане отделяет ее от оппортунистов и колеблющихся, постепенно сократится и она станет лишь «крайне левым крылом» «рабочих партий». А тогда все больше будет нависать угроза, которая усиливается чисто словесным признанием I Интернационала¹² со стороны центристских партий, что качественное отличие коммунистов от всех прочих станет только количественным и даже постепенно сгладится. Чем меньше коммунистическая партия организационно и психологически реализует свой идеал, тем меньше она способна, с одной стороны, энергично противостоять этому общему компромиссному настроению, а с другой стороны — воспитывать истинных коммунистов из бессознательных, но действительно революционных элементов (синдикалисты и анархисты).

Компромисс и распад питаются из одного источника: недостаточных внутренних перемен в самих коммунистах. Чем

больше коммунисты (а вместе с ними и благодаря им коммунистическая партия) очищаются от всех шлаков буржуазной и социал-демократической жизни, от бюрократизма, интриганства, карьеризма, тем больше партийная сплоченность становится подлинным товариществом и душевной сплоченностью, тем большей является способность партии выполнить свое призвание — собрать революционные силы, вселить уверенность в колеблющихся, пробудить сознание в бессознательных, окончательно изгнать и уничтожить люмпенов и оппортунистов. Богатая долгими и трудными битвами революционная эпоха, которая нам предстоит, представляет бесчисленные возможности для такого самопожертвования. Российские товарищи показывают нам самый поучительный — организационный и человеческий — пример, какого только можно себе пожелать. Настала пора и нам *начать* и последовать российскому примеру.

1920 год

